

М. Л. ЛОЗИНСКИЙ

Данте Алигьери

«Тройственная поэма, в которой все знания, все поверия, все страсти средних веков были воплощены и преданы, так сказать, осязанию в живописных терцинах» — таково замечательное по своей сжатости определение, которое Пушкин, в черновом наброске, дает «Божественной Комедии». Действительно, величая поэма Данте, возникшая на рубеже двух эпох, запечатлела в вековых образах культуру западного средневековья. Все его «знания» она отражает с такой полнотой, что современники видели в ней прежде всего ученое сочинение. Все «поверия» современного Данте мира воссозданы в стройном, зодчески продуманном целом. Все «страсти» тогдашнего человечества дышат в стихах «Комедии»: и страсти обитателей загробных царств, даже после смерти не угасшие, и великая страсть самого поэта, его любовь и ненависть. И все это поистине «предано осязанию в живописных терцинах», покоряющих своей пластической и звуковой выразительностью.

* * *

«DANTE ALAGHERII FLORENTINUS ET EXUL IMMERITUS»

«Данте Алигьери, флорентинец и безвинный изгнанник» — надписывает свои латинские послания автор «Божественной Комедии». И на ее страницах он именно таков: флорентинец, страстный патриот, изгнанный из отечества и оклеветанный торжествующими врагами, неколебимо убежденный в том, что он был прав и в день изгнания и потом, когда, в годы скитаний, по-

стигнув, как ему казалось, высшую правду, он призывал на свою Флоренцию карающий гром. Этим чувством определяется пафос его поэмы, и многое в ней останется для нас темным, если мы не будем хоть вкратце знать судьбу ее создателя и тот исторический фон, на котором прошла его жизнь.

Национальное и всечеловеческое единство, основанное на бескорыстном слиянии отдельных волей и порождающее всеобщий мир и личную свободу, — таков был общественный идеал творца «Божественной Комедии». И ничто так не противоречило этому идеалу, как та историческая действительность, которая окружала Данте Алигьери. Отсюда — трагизм его судьбы, и отсюда же — высокий пафос его творчества.

После крушения Западно-римской империи, сметенной волнами варварских нашествий, за обладание Италией боролись, сменяя друг друга, остготы, византийцы, лангобарды, франкские и германские императоры, сарацины, норманны, французы. В итоге этой восьмивековой борьбы, по-разному отразившейся на судьбах отдельных областей Апеннинского полуострова, Италия, ко времени Данте, лежала раздробленной на части, объята пожаром непрестанных войн и кровавых междоусобиц («Чист.» VI, 76–126).

Северная и Средняя Италия, номинально подчиненные германским императорам, на деле были предоставлены самим себе и образовали пеструю мозаику самоуправляющихся территорий. Ломбардия дробилась на множество феодальных вотчин и независимых городских коммун, но эти вольные города, истощенные внутренними распрями, начинали, один за другим, попадать под единоличную власть тиранов. В Милане укреплялись Висконти, в Вероне правили Делла Скала. На Лигурийском побережье и на лагунах северной Адриатики утвердились две мощные морские республики — Генуя и Венеция, уже вступившие в длительное соперничество. В Тоскане боролись за преобладание богатые города-республики — Флоренция, Сьена, Лукка. Приморская Пиза, разгромленная на водах своей соперницей Генуей, с трудом отражала натиск Флоренции, искавшей выхода к морю.

Церковная область, сложившаяся в середине VIII века, когда отец Карла Великого, франкский король Пипин Короткий присоединил к Римскому дукату и передал папе часть территорий, отвоеванных им у лангобардов, простиралась от Тирренского до Адриатического моря и включала, кроме Рима и окрестных

земель, Анконскую марку и Романью. Императоры считали себя ее верховными властителями, но в 70-х годах XIII века Рудольф Габсбургский отказался от своих прав на нее в пользу папы. Здесь бушевали такие же смуты, как и в остальной Италии («Ад» XXVII, 37–38). Римские первосвященники, мечтавшие возглавить всемирную теократию, не могли навести порядок в своих ближайших владениях. В самом Риме вспыхивали то феодальные усобицы, то народные возмущения. Крупные и мелкие феодалы и отдельные городские общины, особенно в Романье, были не только независимы от пап, но сплошь и рядом открыто им враждебны. Болонья существовала как свободная республика. Феррарские д'Эсте, равеннские Полента, риминийские Малатеста правили как самодержцы.

Особо сложилась судьба Южной Италии. В XI столетии офранцузенные норманны отвоевали ее у византийцев и лангобардских баронов, а Сицилию — у сарацин, и основали королевство Обеих Сицилий, которое, веком позже, путем династического брака, перешло в руки Гогенштауфенов, а затем (1266) стало добычей французов в лице Карла I Анжуйского. После «Сицилийской вечерни» 1282 года, когда в Палермо вспыхнуло кровавое восстание против французского гнета («Рай» VIII, 73–75), охватившее весь остров, власть над Сицилией перешла к арагонскому королю Педро III и его преемникам, а за анжуйским домом осталась Южная Италия, так называемое Неаполитанское королевство. Эта крупная держава, управляемая французской династией, имела большое влияние на итальянские дела. При жизни Данте ею владели: Карл I (1266–1285), Карл II (1285–1309) и Роберт (1309–1343).

Расчлененная таким образом Италия, где отдельные части соперничали и враждовали друг с другом и в каждом городе кипели междоусобия, продолжала быть ареной и более широкой борьбы, которую издавна вели две основные политические силы западного средневековья, — империя и папство.

Память о державном Риме не угасала в сознании варваризованной Европы, начавшей строиться на его развалинах. И когда франкский король Карл Великий, уничтожив государство лангобардов («Рай» VI, 94–96), принял в 800 году из рук папы императорский венец и северная половина Италии объединилась с его заальпийскими владениями, простиравшимися от Эбро до Эльбы, Западная Империя, хоть и в более тесных границах, возникла

вновь. Карл был властелином почти всего христианского Запада. На папу он смотрел, как на своего подданного, а Церковную область, вместе с Римом, считал своей вассальной землей. Но его обширная держава ненадолго пережила своего создателя и распалась на куски. Франция, Германия, Прованс, Бургундия, Наварра превратились в самостоятельные государства. Императорский сан остался за германскими королями. Коронуясь в Ахене, они принимали титул «императора и короля римлян». Их феодальная держава, получившая название Священной Римской Империи, охватывала Германию и «королевство Италию», то есть северную и среднюю полосы полуострова. Но им не удалось преодолеть политическую раздробленность своих итальянских владений, которая лишь углублялась по мере усиления отдельных синьорий и городских общин.

Притязаниям империи на мировое владычество, в действительности никогда не осуществленным, папство уже в IX веке противопоставило идею главенства церкви над государством, провозгласив, что римский первосвященник — выше императоров и королей и что свою власть они получают от него. Для обоснования своих прав на светское господство папы ссылались на подложную грамоту Константина Великого, которою император, приняв христианство и переноса столицу в Византию, якобы уступал папе Сильвестру Рим и западные страны. В средние века не сомневались в подлинности «Константинова дара», и Данте считал его величайшим историческим несчастьем, породившим неисчислимые бедствия («Ад» XIX, 115–117; «Чист.» XXXII, 124–129; «Рай» XX, 55–60).

Борьба империи и папства, заполнившая пять столетий, в XIII веке достигла особой остроты, и вся Италия разделилась на два враждебных стана: гибеллинов (приверженцев империи) и гвельфов (сторонников папства). Это не были политические партии в современном смысле слова. К каким-либо ясно намеченным целям не стремились ни те, ни другие. Крупные феодалы обычно становились в ряды гибеллинов, потому что видели в империи защитницу своих интересов, а их противники, как некоторые городские коммуны, где преобладали купцы и промышленники, потому были гвельфскими, что союз с папами сулил им выгоды. Принадлежность к тому или другому стану определялась главным образом временными соображениями и расчетами местной политики. Немало было феодалов-гвельфов и гибеллинских городских

республик. Когда императоры или папы предъявляли своим сторонникам слишком стеснительные требования, гибеллины оборачивались против империи, а гвельфы давали папскому Риму решительный отпор. Зато в борьбе друг с другом враждующие феодалы, города и отдельные знатные роды почти всегда делились на гвельфов и гибеллинов и соответственно этому объединялись в союзы, хотя бы их распри и не были связаны с борьбою папства и империи.

Данте застал эпоху последнего торжества папского Рима. В 1250 году сошел в могилу могучий противник римских первосвященников, император Фридрих II Гогенштауфен, король Германии, Италии и Обеих Сицилии, трижды отлученный от церкви. Когда, после короткого царствования его наследника, Конрада IV, Неаполь и Сицилия перешли в руки Манфреда, внебрачного сына Фридриха II, папы, чтобы покончить с владычеством Гогенштауфенов на юге, обратились к иноземной помощи. Призванный ими граф Анжуйский и Прованский Карл, брат французского короля Людовика IX, вступил в Италию с крупным войском, принял в Риме корону Неаполя и Сицилии, которые папство считало своими вассальными землями, и в 1266 году, под Беневенто, Манфред погиб на поле боя («Чист.» III, 103–132). Два года спустя шестнадцатилетний Конрадин, сын Конрада IV, последний Гогенштауфен, пришел из Германии отвоевывать отцовские владения, был разбит Карлом при Тальякоццо, схвачен при попытке отплыть в Сицилию и обезглавлен («Чист.» XX, 67). Анжуйская династия, опора гвельфов, прочно обосновалась в Неаполе, хотя Сицилию она вскоре утратила. Усилению папства содействовало и то, что после смерти Конрада IV (1254) в Германии наступило междоцарствие, и престол императоров пустовал. Только в 1273 году был избран Рудольф Габсбургский, но ни он, ни его преемники Адольф Нассауский (1292–1296) и Альбрехт Габсбургский (1298–1308) не являлись в Рим венчаться императорской короной («Чист.» VI, 97–105).

Однако опасность грозила папству с другой стороны. Бонифаций VIII (1294–1303), считавший себя главою земных владык и распорядителем престолов, пал жертвой столкновения уже не с германскими государями, но с возвышавшейся французской монархией, и умер в припадке яростного отчаяния после неслыханного оскорбления, нанесенного ему посланцами Филиппа IV, короля Франции¹ («Чист.» XX, 85–90). А один из его ближайших

преемников, Климент V (1305–1314), француз и ставленник французской короны, открыл собою перечень пап, никогда не вступавших в Рим.

«Святейший престол» был перенесен в Авиньон, и здесь, в Авиньонском, или «вавилонском» плену, длившемся до 1377 года, в безропотном подчинении у французских королей, униженное и разложившееся папство забыло свою теократическую мечту.

Но отжила свой век и полупризрачная Священная Римская Империя. Генрих VII Люксембургский (1308–1313), громко заявивший свои державные права на заальпийские владения и коронованный в Риме, оказался бессилён объединить раздробленную, но сопротивляющуюся ему Италию, и смерть пресекла его попытку, заранее обреченную на неуспех. Расслоение Италии было слишком глубоко, и слишком противоречивы были стремления борющихся в ней сил, чтобы она могла сплотиться в единое государство, тем более под насильственной рукой иноземца и в принудительном союзе с чуждой страной.

* * *

Родина Данте, Флоренция, когда-то цветущая римская колония, разоренная и запустевшая в эпоху варварских нашествий, позже других городских коммун Средней Италии выступила на арену политической жизни и борьбы, но ее рост и развитие пошли настолько быстро, что за два века она опередила всех своих соперниц.

В 1115 году маркграфиня тосканская Матильда завещала, в нарушение прав империи, свои владения папскому престолу. Пользуясь наступившей смутой, тосканские города, и прежде всего Флоренция, объявили себя независимыми. На первых порах во Флоренции сохранялся тот внутренний строй, который сложился еще в эпоху ее феодального подчинения. Уже тогда население города распадалось на два основных класса, резко разнившихся друг от друга: правящий слой военной знати (так называемые «магнаты» или «гранды») и сословие промышленников и купцов, объединенных в цехи (так называемые «пополаны»). Магнаты владели в округе обширными поместьями; в стенах Флоренции им принадлежала большая часть зданий, и они сдавали их внаем; сами они жили в домах — крепостях с неприступными башнями, возносившимися над тесными улицами небольшого города. Этих

башен, иногда высотой до 120 локтей (т. е. до 70 метров), уже в XII веке насчитывалось больше полутораста. То были грозные твердыни, готовые отразить и натиск враждебного рода, и приступ горожан. Но уже в эту раннюю пору пополанские цехи деятельно участвовали в политической жизни коммуны, и в Совете Ста их выборные составляли большинство. В особо важных случаях созывалось народное вече. Позднейшим поколениям, жившим среди непрерывных усобиц, середина XII века казалась счастливым временем гражданского мира, и об этих годах растроганно вспоминает прапрадед Данте («Рай» XV, 97–99). Еще не обострились отношения между пополанами и грандами, а среди грандов еще не обозначился губительный для всех раскол. У трудового народа и у военной знати была общая цель — обеспечить независимость города и его безопасность, и эта цель на первых порах призывала их к совместным действиям.

Флоренция лежала на скрещении важнейших путей, ведущих с севера на юг и от Тирренского моря к Адриатическому. Она уже обладала развитой промышленностью, главным образом ткацкой, источником ее растущего богатства, и вела широкую международную торговлю. Но на окрестных холмах, вдоль торговых дорог, сидели в своих замках хищные феодалы. Они взимали непомерные проездные пошлины, а то и просто грабили купеческие обозы. Страдали от них и флорентийские гранды, которым они затрудняли вывоз сельскохозяйственных товаров из их поместий. Необходимо было обеспечить свободу путей, и Флоренция пошла войной на своих неудобных соседей. Она брала приступом и нередко разрушала их замки, а побежденных феодалов принуждала селиться внутри городских стен, не умаляя, однако, их поместных прав. Эти невольные граждане Флоренции плохо мирились со своей судьбой. Сливаясь с исконной городской знатью, они обостряли отношения между нею и пополанами. Но в то же время многие гранды, уже давно участвуя в коммерческой и финансовой деятельности пополанских цехов, были заинтересованы в их преуспевании. Таким образом, в среде самой знати началось расслоение. Осложняемое наследственной враждой отдельных родов и их соперничеством, оно привело к тому, что в начале XIII века флорентийские гранды, как и всюду в Италии, разделились на гибеллинов и гвельфов. В народной памяти этот раскол остался связан с убийством молодого Буондельмонте («Рай» XVI, 136–147).

Середина столетия ознаменована кровавой распрей грандов. В 1248 году гибеллины, возглавляемые родом Уберти, с помощью немецкой конницы Фридриха II изгнали из Флоренции своих противников, снося их дома и башни. Три года спустя, когда воинственного императора не стало, гвельфы возвратились. Воцарение Манфреда оживило надежды гибеллинов. Они опять готовились к захвату власти, но заговор раскрылся, народ восстал, и им пришлось бежать (1258). Однако вскоре, осенью 1260 года в союзе с гибеллинской Сьеной и при поддержке всадников Манфреда, близ замка Монтаперти, они нанесли флорентийцам страшное поражение («Ад» X, 85–90). Гвельфы покинули город, одни добровольно, при первом известии о разгроме, другие насильно. Только заступничество вождя гибеллинов, Фаринаты Уберти, спасло Флоренцию от полного уничтожения («Ад» X, 91–93). Гибеллинская знать праздновала победу, но смерть Манфреда под Беневенто резко изменила обстановку. Гвельфы вторично вернулись в город, и когда весной 1267 года Карл I Анжуйский двинул им на помощь военную силу, гибеллины навсегда покинули Флоренцию.

Так на протяжении десятилетий флорентийские гранды взаимной борьбой истощали свои силы. Тем временем пополаны, сплоченные цеховым устройством, постепенно брали верх, пока, наконец, не стали хозяевами города. Под именем «popolo» — «народ», в старой Флоренции разумелось население, объединенное в цеха. Но в этом «пололо» резко различались два слоя: «жирный народ» (*popolo grasso*), или семь «старших», торгово-промышленных цехов (*arti maggiori*), богатый и влиятельный общественный класс, и «мелкий народ» (*popolo minuto*), или «младшие», ремесленные цехи (*arti minori*), политическое значение которых было несравненно меньшим, а отношение к старшим цехам — далеко не дружелюбным. Все остальное население, как городское, так и сельское, наемные рабочие и крестьяне, считалось уже вне «пополо»: это была бесправная, подчиненная масса. В средневековой Флоренции, даже в периоды наибольшего торжества демократии, политическими правами обладал только ограниченный круг. К 1300 году, из общего числа тридцати с лишним тысяч жителей, полноправных граждан было не более двух тысяч. Главенствовали старшие цехи. В их среде почетное первое место принадлежало юристам и нотариусам, нужнейшим людям в деловой Флоренции. Но первым по значению был древ-

нейший цех Калималы (так называлась его улица). Это был цех суконщиков, того промысла, который принес Флоренции наибольшую торговую славу и главную долю ее богатства. Калимала ввозила грубые сукна из Фландрии, Голландии, Брабанта, подвергала их обработке и окраске лишь ей известными способами и продавала этот ценный товар по всей Европе и на Востоке. Ее конторы, разбросанные по самым отдаленным странам, положили начало банковскому делу в Европе. Флорентийские банкиры, члены Калималы, вели финансовые операции широчайшего размаха. Они ссужали деньгами королей и пап и к концу XIII в. стали монопольными откупщиками и сборщиками доходов римской курии, что приносило им огромные барыши. Далее следовали: цех шерстяников, не менее мощный, чем Калимала, цех шелкоделов, цех меховщиков, цех менял и, наконец, цех врачей и москательщиков, обнимавших целый ряд разнородных профессий. Торгово-промышленные цехи Флоренции, зародившиеся еще в условиях феодального хозяйства, быстро превратились в капиталистические организации, самые ранние в Европе. Постановка дела требовала больших оборотных средств, производство велось трудом наемных рабочих, нещадно эксплуатируемых, прибылью пользовались предприниматели, объединенные в цех. Капиталистами чистейшего типа были флорентийские банкиры. Естественно, что эти старшие цехи, по мере их усиления, теснили магнатов и завоевывали политическую власть.

Первую крупную победу одержали пополаны в 1250 году, когда в городе господствовали гибеллины. Уже за полвека перед тем во Флоренции установился порядок, по которому высшая власть, как это было принято во многих городах, вручалась подеста, дворянину, приглашавшемуся со стороны, что должно было обеспечить его беспристрастие во флорентийских делах, и при этом сроком на год, чтобы он не успел завязать в городе прочных связей и превратиться в самодержца. Он управлял с помощью выборных советов, куда входили и пополаны, но по существу это был выразитель идеологии грандов. И вот в 1250 году наряду с подеста был поставлен «народный капитан» (*capitano del popolo*), точно так же приглашаемый на год из иногородних дворян. Ему были приданы пополанские советы и подчинено народное ополчение для охраны пополанских прав. Во главе коммуны стали двенадцать анцианов (старейшин), избираемых из пополанов, и при них совет Тридцати Шести. Таково было «первое народоправство» Флоренции, продержавшееся десять

лет, ознаменованных быстрым расцветом города и рядом побед над соседями-соперниками — Сьеной, Пизой и Ареццо.

После битвы при Монтаперти гибеллинские гранды разрушили этот строй, а сменившая их в 1267 году гвельфская знать также показала себя враждебной народному правлению. Тогда пополаны возобновили борьбу с аристократией, на этот раз уже гвельфской. К этому времени они и сами стали усердными гвельфами. Деловые интересы тесно связывали их с Римом, с Южной Италией и с Францией, а от гибеллинов ничего доброго они ждать не могли. Но их гвельфизм не мешал им деятельно бороться с гвельфской знатью. Они шаг за шагом захватывали власть и рядом законодательных мер подрывали могущество грандов.

Последний удар был нанесен магнатам «Установлениями правосудия», провозглашенными в 1293 году и легшими в основу «второго народоправства», которому суждено было стать государственным строем Флоренции на целое столетие. Гранды лишались политических прав. Занимать государственные должности могли только члены цехов, и не только семи старших, но и четырнадцати младших, ремесленных цехов, впервые привлеченных к управлению коммуной. Верховным органом власти была синьория, состоявшая, под председательством «знаменосца правосудия», из шести приоров, избираемых, как и он, на двухмесячный срок. Важнейшие решения подлежали утверждению целого ряда советов. Подеста и народный капитан, по-прежнему приглашавшиеся из других городов, но уже на полгода, утратили свое былое значение и вели преимущественно судебные дела. Гранды были не только отстранены от власти. За преступления против личности пополанов они подвергались особо суровым карам. При этом они были связаны круговой порукой: если виновник ускользал от наказания, то его сородичи присуждались к денежной пене, а в обеспечение уплаты каждый член грандского рода вносил крупный залог.

«Установления правосудия» вызвали среди грандов глубокий раскол. Одни примирились с новым порядком, другие решили его ниспровергнуть. Во вспыхнувшем междоусобии принял участие весь народ. Среди бесчисленных гражданских гроз, бушевавших в те годы в Италии, именно эта флорентийская распря Черных и Белых осталась навеки памятной, потому что она сплетена с судьбой одного из величайших поэтов мира, и он ее запечатлел в своей поэме.

* * *

Данте Алигьери (Данте — сокращенная форма имени Дуранте) родился во Флоренции в конце мая 1265 года («Рай» XXII, 112–117). О том, кто были его предки, он сам рассказывает нам устами своего прапрадеда Каччагвиды («Рай» XV, 88–94; 135–146; XVI, 34–35), и этим наши сведения ограничиваются. Мы знаем также («Ад» X, 76–78), что он, принимая на веру семейное предание, считал себя потомком тех древних римлян, которые когда-то основались во Флоренции, впоследствии наводненной пришельцами, породившими в ней смуты и раздоры. Как большинство небогатых дворян, Алигьери были гвельфами, дважды уходили в изгнание, когда брали верх гибеллины, и дважды возвращались («Ад» X, 46–51), но сколько-нибудь заметного участия в партийной борьбе, по-видимому, не принимали.

Отец поэта, Алигьери Алигьери, человек, ничем себя не отличивший, умер, когда Данте было около восемнадцати лет. Мать, по имени Белла, скончалась рано, и Алигьери женился вторично. У Данте были сводный брат Франческо и две сестры. Сестры выходили замуж. Данте и Франческо жили на скромный доход с земельного наследства, которое им оставил отец, и этого дохода им не всегда хватало.

Начатки знаний Данте получил, вероятно, в одной из общественных школ Флоренции, но больше всего способствовал его образованию энциклопедист, поэт и государственный деятель Брунетто Латини, и эти уроки оставили в его уме и сердце неизгладимый след («Ад» X, 79–87). Некоторое время молодой Алигьери провел в Болонье, знаменитой своим университетом², где он мог изучать риторику, т. е. ораторское искусство, соединенное с умением писать по-латыни.

Данте было около девяти лет, когда он встретил маленькую Беатриче Портинари, вступившую тоже в свой девятый год. Этим именем озарена вся его жизнь. Он любил ее благоговейной любовью, и велико было его горе, когда, уже замужней женщиной, она умерла двадцати пяти лет от роду. Образ «прославленной владычицы его воспоминаний» претворился в мистический символ, и на страницах «Божественной Комедии» преображенная Беатриче, как высшая Мудрость, как благодатное Откровение, возносит поэта к постижению всемирной любви.

Как ни возвышенно было это чувство, оно не превратило юного Данте в мечтательного отшельника, и не одна прекрасная флорен-

тйка мимолетно владела его сердцем, по-иному, чем Беатриче. Деятельный и страстный, он принимал жадное участие в кипучей жизни родного города, делил развлечения молодых людей своего круга, писал стихи, снискавшие ему славу даровитого поэта, на поле брани сражался с врагами Флоренции. В июне 1289 года он в рядах флорентийской конницы громил на равнине Кампальдино аретинских гибеллинов («Чист.» V, 91–93), два месяца спустя брал у пизанцев замок Капрону («Ад» XXI, 94–96).

Но книги влекли его больше, чем меч, и он усердно пополнял свои знания. Когда умерла Беатриче и он в стихах и прозе «Новой жизни» рассказал о том, как он ее любил, ему показалось, что этого мало для ее прославления, и он решил создать в ее честь еще небывалый памятник слова. Чтобы выполнить эту задачу, он всецело отдался трудам. Прочтя «Об утешении философией» Боэция и трактат Цицерона «О дружбе», он пленился умозрительными науками и стал посещать «школы монахов и прения мудролюбов» («Пир» II, XII, 13). Круг его занятий неустанно расширялся. О том, с каким напряжением он работал всю свою трудную и бурную жизнь, свидетельствуют произведения его зрелых лет, в которых вмещена вся ученость западного средневековья.

О семейной жизни Данте мы знаем очень мало. Когда ему было двенадцать лет, родители, по тогдашнему обычаю, заранее присмотрели ему невесту, Джемму Донати, на которой он затем и женился, породнясь таким образом с той семьей, которая впоследствии возглавила партию его политических противников. У него было два сына, Пьетро и Якопо, и дочь Антония, после его смерти принявшая монашество, под именем Беатриче. Когда поэта постигло изгнание, Джемма осталась во Флоренции, и они разлучились навсегда. Так, по крайней мере, утверждает Боккаччо, первый биограф Данте. Своего мужа она пережила.

На поприще политической деятельности Данте выступил в 1295 году, когда «Установления правосудия» были смягчены новым законом, по которому право быть избранным в народные советы и в синьорию получал всякий гражданин, не значащийся в списках грандов и приписанный к одному из цехов, хотя бы он в действительности и не занимался ремеслом. Чтобы получить доступ к государственным должностям, Данте приписывается к цеху врачей, ибо философия, предмет его занятий, считалась наукой, близкой к медицине, и начинает деятельно участвовать в общественных делах.

К тому времени, когда он «земную жизнь прошел до половины», т. е. к 1300 году, на его родину надвинулись зловещие тучи. Уже три германских короля, хотя и носили императорский титул, не ступали на итальянскую землю, и папа не возлагал на них венца. Бонифаций VIII считал престол кесарей пустующим. Ничем не сдерживаемый, он замышлял подчинить Тоскану своей власти и при всяком случае заявлял о своих верховных правах на нее. А внутри Флоренции с яростной силой вспыхнула давно назревавшая распря между двумя враждебными станами, на которые раскололись гранды после провозглашения «Установлений правосудия». Во главе ожесточенных врагов нового порядка, лишившего аристократию политических прав, стал честолюбивый Корсо Донати со своими родичами, потомками исконных флорентийских магнатов. Он искал себе поддержку и в народных низах, точно так же не допущенных к власти. А так как Бонифацию было ненавистно строптивое народоправство Флоренции, то Донати и он оказались естественными союзниками. Другая часть грандов, примирившаяся с новым строем и стремившаяся ужиться с цеховой демократией, сплотилась вокруг Вьери Черки и его семьи, вышедшей из простого народа и нажившей путем торговли огромные богатства. Политический раздор осложнялся старыми семейными счетами. На празднике 1 мая 1300 года между младшими Донати и младшими Черки произошла стычка, пролилась кровь, и гвельфская знать распалась на Черных (партию Донати) и Белых (партию Черки). А так как всякий знал, что Корсо Донати — заодно с папой, который жаждет подчинить себе Флоренцию, и что Вьери Черки — злейший враг высокомерного мессера Корсо, то сразу же весь город разделился на Белых и Черных. Пополаны, возглавляемые своей синьорией, объединились с Белыми, готовые защищать флорентийскую независимость и «Установления правосудия» против Донати и против папы. Черные начали деятельно готовиться к борьбе в союзе с Римом.

Данте решительно примкнул к Белым. Ничто не связывало его с партией Черки. Ему не было дела до того, что вражда Белых и Черных в значительной мере порождалась деловым соперничеством банкиров Черки и банкиров Спины, союзников Корсо Донати. В этот опасный для родины час он считал своим долгом прежде всего отстаивать ее независимость и то, что в средневековой Флоренции казалось народовластием. Он успел стать влиятельным

человеком в городе. Начиная с 1295 года, его имя встречается в списках то одного, то другого правительственного совета. В мае 1300 года он был отправлен в Сан-Джиминиано, как посланник для переговоров о возобновлении гвельфской лиги тосканских городов. Вслед за тем, как только настало время новых выборов в синьорию, на срок с 15 июня по 15 августа, в числе приоров был избран и он. Уже самое начало его приората было отмечено суровым для него испытанием. В канун праздника Иоанна Крестителя, патрона Флоренции, когда цеховые старшины торжественной процессией направлялись в церковь, гранды на них напали, крича: «Мы те, кто победили на Кампальдино, а вы нас отстранили от должностей и почестей нашего города!» Чтобы подать пример на будущее, синьория отправила в ссылку некоторых видных грандов, как Черных, так и Белых, а среди них — лучшего друга Данте, поэта Гвидо Кавальканти; Белых сослали в Сарцану, нездоровую местность, где Гвидо заболел так тяжело, что хотя их скоро возвратили оттуда, он умер той же осенью. Данте и его товарищи по приорату давали твердый отпор папскому легату, кардиналу Д' Акваспарта, который требовал предоставить ему широкие полномочия. Взбешенный Бонифаций уполномочил кардинала покарать Флоренцию отлучением, что тот и сделал вскоре, но уже при новой синьории. В том же году и в следующем Данте продолжал выступать в заседаниях советов, как упорный противник папы.

Между тем Бонифаций, этот «первоначальник новых фарисеев» («Ад» XXVII, 85), замыслил коварное дело: пригласить Карла Валуа, брата французского короля Филиппа IV, якобы для умиротворения Тосканы, на самом же деле для того, чтобы передать Флоренцию в руки Черных и таким образом подчинить ее себе. Кроме того Карл Валуа должен был отвоевать Сицилию у Федерико Арагонского в пользу Карла II Анжуйского. За эти услуги папа сулил ему императорскую корону, не говоря уж о том, что Флоренция была «золотым источником», которым Карлу предоставлялось воспользоваться. В июне 1301 года раскрылся заговор Черных, решивших оказать папе всяческое содействие. Участники были приговорены к ссылке и денежным пеням. Их вдохновителя, Корсо Донати, не было в городе. Высланный еще в 1299 году, он теперь находился в Риме и здесь усердно вел интригу против Белых. Его заочно приговорили к смерти, конфисковали его имущество и разрушили его дома.

В июле Карл Валуа вступил в Италию с конным войском и направился в Ананьи, где встретился с папой и Карлом II Анжуйским. Тревога во Флоренции росла. 13 сентября на общем собрании всех советов, созванном для обсуждения мер к защите «Установлений правосудия» и народных статутов, Данте выступил с речью, призывавшей к решительной обороне. Чтобы предотвратить открытое столкновение, в октябре месяце синьория отправила посольство к Бонифацию. Одним из трех послов был Данте Алигьери. Папа принял их, двоих отослал обратно, заявив им, что он хочет только мира, но требует, чтобы Флоренция покорилась его воле, а Данте удержал у себя под предлогом дальнейших переговоров. Он, очевидно, предпочитал, чтобы этого стойкого человека не оказалось на родине в решающие дни.

Между тем Карл Валуа приближался к Флоренции. Здесь еще надеялись на мирный исход. В новую синьорию, полномочия которой начинались 15 октября, постарались избрать людей, приемлемых для обеих партий. 1 ноября французский принц вступил в город, был торжественно встречен властями, поклялся, как королевский сын, охранять мир и порядок и принял в свои руки управление. Но он пришел с «копьем Иуды» и не замедлил «вспороть брюхо Флоренции» («Чист.» XX, 73–75). По уговору с ним, в город ворвался Корсо Донати в сопровождении своих приверженцев, разогнал синьорию и предал Белых погрому, длившемуся пять дней. Власть перешла к Черным. Новый подеста, которого Карл привел с собой, начал составлять списки подлежащих изгнанию. Во втором из них, от 27 января 1302 года, значились имена пяти приоров прежних лет и в том числе Данте Алигьери. Ему, как и остальным, ставилась в вину неявка на вызов подеста и самовольная отлучка. Он, наряду с тремя другими, обвинялся в должностных преступлениях, мздоимстве и вымогательстве, — что было, разумеется, ничем не прикрытой клеветой, — в сопротивлении папе и принцу Карлу, в действиях, враждебных Флоренции и гвельфской партии, и приговаривался к огромной денежной пене и к изгнанию на два года из пределов Тосканы, с запрещением когда-либо занимать государственные должности. Имущество его конфисковалось, а дом подлежал разрушению. Известие о начавшейся судебной расправе застало поэта в Риме. Он поспешил домой и по дороге, в Съене, узнал о постигшей его беде. Путь во Флоренцию был для него закрыт. 10 марта 1302 года последовал новый указ, присуждавший его, вместе с четырнадцатью другими, в случае поимки, к сожжению на костре.

Данте присоединился к толпе изгнанников и первое время разделял их участь. Белые, лихась отечества, сблизилась с гибеллинами, обосновались в Ареццо, Пизе, Болонье, Пистойе, во многих гибеллинских замках и вместе со своими новыми союзниками вступили в безуспешную борьбу с Черной Флоренцией. Данте скоро разочаровался в своих товарищах по изгнанию и резко осудил их образ действий. Он отошел от партий и «остался сам себе клеветом» («Рай» XVII, 69). Попыткам вернуться во Флоренцию силой он не сочувствовал, и, когда летом 1304 года Белые совместно с гибеллинами предприняли нападение на Флоренцию, закончившееся их разгромом, его уже не было в их рядах.

Для Данте начались долгие годы одинокого скитальчества и тщетных надежд вернуться на милую родину. «После того как гражданам прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, Флоренции, угодно было извергнуть меня из ее сладостного лона, — в котором я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего бытия и в котором, когда она обретет добрый мир, всем сердцем желаю упокоить усталый дух и завершить положенный мне срок, — я почти по всем краям, на которые простирается наша речь, скитаясь, как нищий, блуждал, поневоле обнаруживая рану, судьбой нанесенную и сплошь и рядом несправедливо вменяемую тому, кто ранен». Так говорит Алигьери на первых страницах своего «Пира» (I, 3). Поэт узнал,

...как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

(«Рай» XVII, 58–60)

До последнего своего часа Данте прожил изгнанником. Но об этих двадцати годах его жизни, наполненных огромным творческим трудом, который завершился созданием «Божественной Комедии», мы располагаем только отрывочными и скудными сведениями, в немалой степени гадательными.

После разрыва с Белыми поэт находит первый свой приют у властителя Вероны Бартоломео делла Скала («Рай» XVII, 70–72). Здесь он пробыл, вероятно, до его смерти (март 1304 году). Затем, по-видимому, он жил в Болонье, городе ученых. В 1306 году он — почтенный гость и доверенное лицо маркизов Маласпина, владетелей Луниджаны («Чист.» VIII, 115–139). Старейшие био-

графы утверждают, что Данте предпринял путешествие в Париж, средоточие схоластической науки, и здесь изучал богословие и философию. Если считать это путешествие достоверным, то его следует отнести к 1308–1309 годам.

К этому времени великий флорентиец много передумал и переживал. В своем изгнании он словно с одинокой вершины окинул взглядом широкие дали: печальными глазами смотрел он с этой высоты и на свою родную Флоренцию и на всю Италию, эту «благороднейшую область Европы» («Монархия» II, 2), и на окрестные страны. Всюду господствует зло, всюду пылает вражда.

Гордыня, зависть, алчность — вот в сердцах
Три жгучих искры, что вовек не дремлют.

(«Ад» VI, 74–75)

Первопричина бедствий — человеческая алчность, эта
... волчица древних лет,
В чьем ненасытном голоде все тонет...

(«Чист.» XX, 10–12)

Она виной тому, что и во Флоренции, и в остальных городах
Италии сограждане

...грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.

(«Чист.» VI, 83–84)

Короли Европы — один другого хуже, и в книге судеб «записан
весь их срам» («Рай» XIX, 114).

Никто не помышляет о высших целях, папы превратились
в хищников, озабоченных только земными выгодами, и церковь,

...взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь...

(«Чист.» XVI, 127–129)

Императоры пренебрегли своим призванием беспристрастных
строителей вселенной, и горестно сетует Рим,

Вдова, в слезах зовущая супруга:
«Я Кесарем покинута моим!»

(«Чист.» VI, 113–114)

Данте ушел в изгнание, как Белый гвельф, но вскоре он увидел, что и гвельфы, будь они Белые или Черные, и гибеллины только умножают раздор и смуту:

Чей хуже грех — не взвесишь на весах.

(«Рай» VI, 102)

Перед поэтом стал вопрос: возможно ли преодоление зла, и если возможно, то как этого достигнуть? Мы не должны забывать, что Данте думал свою скорбную думу на пороге XIV века, что он видел вокруг себя только политический хаос современной ему Италии, что, воспитанный на Вергилиевой «Энеиде», он детски верил сказке о миродержавном «золотом Риме» и что при этом он был правоверный католик, но католик-идеалист, глубоко возмущенный порядками римской церкви. Решение проблемы, возникшей перед Данте, было чисто абстрактным, отрешенным от исторической действительности и от исторических возможностей. Но таков уж был склад ума великого поэта.

Размышляя о причинах всеобщего неустройства и о путях его преодоления, он пришел к выводу, что избавить человечество от кровавых распрей может только всемирная монархия, во главе с императором, который, «всем обладая и ничего более желать не могущий» («Пир» IV, 4), будет «управлять народами, руководствуясь наставлениями философии» («Монархия» III, XVI, 15). Он поведет человеческий род к земному блаженству, а духовный глава, римский первосвященник, озабоченный только спасением душ, — к блаженству небесному.

Данте особенно настаивал на том, что императорская власть есть достояние именно римского народа, призванного к всемирному владычеству, и что она, исходя непосредственно от бога, независима от церкви и от ее первосвященника. Он решительно отвергал притязания римских пап на светское господство. Эта мечта о гармоническом мироустройстве, о разумном сочетании двух властей, мирской и духовной, эта простая схема, похожая на математическую формулу, не только прельщала рассудок поэта, всегда стремившийся к отвлеченным построениям, но мощно овладела его страстным сердцем.

И вот разнеслась весть, сулившая поэту исполнение несбыточной, казалось бы, надежды. Вновь избранный император и «король римлян», Генрих VII Люксембургский, коронованный

в Ахене 6 января 1309 года, объявил о своем намерении вступить в Италию для осуществления своих державных прав и для примирения враждующих. Двучленный Климент V возвестил энцикликой из Авиньона приход «царя-миротворца». Данте был счастлив: явился долгожданный избавитель, в истерзанной Италии утихнут распри, водворится согласие, Флоренция раскроет ворота своим изгнанникам. Для него Генрих VII не был чужеземцем-покорителем: это был римский Кесарь, который выполняя предназначения небесного промысла, утвердит свой престол в вечном городе, чтобы мудро и справедливо руководить человечеством. Поэт обратился с патетическим письмом к правителям и народам Италии, призывая прекрасную невесту встретить грядущего жениха. Осенью 1310 года Генрих перевалил через Альпы и 6 января 1311 года короновался в Милане, как король Италии. Данте поспешил навстречу императору и был им принят. Но миланское торжество немецкого государя, приветствуемого гибеллинами и Белыми изгнанниками, было призрачным. Ломбардские города, не забывшие своего отпора Барбароссе, подняли восстание. Непокорную Брешию пришлось брать осадой. Флоренция, во главе гвельфской лиги, стала центром сопротивления императору и объединилась с Робертом Анжуйским, новым неаполитанским королем. Когда Генрих, находясь еще в Германии, потребовал от Флоренции изъявления покорности, она ответила его послам: «Еще ни перед каким господином флорентийцы не склоняли голов», — и теперь готовилась доказать это на деле. 31 марта Данте обращается с угрожающим посланием к «преступнейшим флорентийцам», требуя, чтобы они подчинились богоустановленной власти. Вслед за тем он пишет Генриху, призывая его, от имени «всех тосканцев, жаждущих мира», не медлить в Ломбардии, а вырвать корень зла и сокрушить Флоренцию. Оба эти письма помечены: «у истоков Арно». Здесь, в замке Поппи, Данте жил в эту пору у графа Гвидо ди Баттифолле и его жены, дочери графа Уголино, который в XXXIII песни «Ада» рассказывает поэту о своей страшной смерти.

Тем временем Генрих направился в Рим. Половина города, включая храм Святого Петра, где искони короновались императоры Священной Римской Империи, была в руках неаполитанских войск короля Роберта, в помощь которым Флоренция прислала грозное множество отборной конницы и пехоты. Чтобы укрепиться хоть в части Рима, Генриху пришлось вести кровопролитные бои. Папа

не мог ему отказать в торжественно обещанном короновании, тем более, что римское население оказалось на стороне императора, и 29 июня 1312 года в церкви Иоанна Латеранского³ кардинал-епископ Остийский возложил на Генриха императорский венец. Сразу же после этого Климент резко изменил свою политику и потребовал, чтобы Генрих немедленно покинул папские владения. Император ответил отказом ему подчиняться. Осенью он повернул на север, неудачно пытался осадить Флоренцию и в Пизе стал готовиться к войне с Неаполем, пренебрегая отлучением, которым ему грозил папа. Но, двинувшись в поход, он умер в Буонконвенто, неподалеку от Съены, 24 августа 1313 года.

Данте видел крушение своей политической мечты. Не смерть императора разбила его надежды: он успел понять, что замысел Генриха несбыточен и что Италия не подчинится его власти, но объяснял это тем, что она еще не готова к единству, что он пришел ей на помощь «в слишком ранний час» («Рай» XXX, 137–138). Слепленный видением идеального общественного строя, он не считался с действительностью и не хотел ее видеть. Убежденный в правоте своего учения и в оправданности своих действий, он не хотел признать и того, что между ним, самым страстным из приверженцев Генриха, и Флоренцией, всех решительнее воспротивившейся пришельцу, неизбежен глубокий разрыв.

Еще в первые годы изгнания он обратился к своим согражданам с письмом, до нас не дошедшим, которое начиналось словами: «Народ мой, что я тебе сделал?» Оно осталось без ответа. Тогда он был действительно «безвинным изгнанником». Его судьбой распоряжались те, кого привел с собою Карл Валуа. С тех пор многое изменилось. Французский принц, разгромив Флоренцию и ничего другого не достигнув в Италии, бесславно вернулся домой. Среди Черных грандов началась вражда. Корсо Донати, порвав со своими сообщниками, пытался единолично захватить власть. Но флорентийская демократия была живуча. Пополаны не только сохранили «Установления правосудия», но особым законом 1306 года усилили их строгость. Обвиненный в измене, Корсо погиб («Чист.» XXIV, 82–87). Народопрямство восторжествовало, и Черная Флоренция мало чем отличалась от той, чью свободу отстаивал приор Алигьери. Когда он провозгласил себя поборником императора, Флоренция сочла его своим врагом. Из сентябрьской амнистии 1311 года она его исключила. Четыре года спустя, когда Флоренции грозил уже не Генрих, а гибеллинский

вождь Угоччоне делла Фаджуола, к июньскому празднику было приурочено новое помилование изгнанников. Возвращаемые обязывались уплатить часть присужденной с них пени и подвергнуться обычному обряду «приношения святому Иоанну». Таким способом республика время от времени пополняла свою казну и ослабляла ряды своих противников. Флорентийские друзья советовали поэту принять объявленные условия. Но этот гордый человек отказался вернуться на родину таким унижительным путем, «умаляющим Дантову славу и честь». И когда осенью того же 1315 года синьория предложила ему, в числе других осужденных, замену смертного приговора ссылкой, под условием внесения залога, он отказался вновь. Поэтому 6 ноября он был объявлен вне закона и заочно приговорен к обезглавлению, и вместе с ним его сыновья, которых давно уже не было во Флоренции, потому что, достигнув четырнадцатилетнего возраста, они должны были, как дети изгнанника, покинуть город.

О том, где провел Данте первые годы после смерти Генриха VII, можно только строить догадки. Во всяком случае достоверно, что некоторое время он жил опять в Вероне, при блистательном дворе Кангранде делла Скала, воина и мецената, которому в «Божественной Комедии» («Рай» XVII, 76–93) он воздает высокую хвалу и предвещает великое будущее. Но все же Верону он покинул. Гвидо да Полента, синьор Равенны и поэт, племянник Франчески да Римини, воспетой в V песне «Ада», пригласил прославленного флорентинца поселиться у него, и Данте, вероятно около 1317 года, прибыл в столицу, которой суждено было стать его последним приютом. с ним поселились оба его сына и, быть может, дочь, впоследствии здесь же принявшая монашество. В древней Равенне, с ее византийскими базиликами, с ее Пинетой, чьи гармонические сосны гудят как в Земном Раю («Чист.» XXVIII, 16–21), Данте, в стороне от бурь, закончил свою «священную поэму». Летом 1321 года он поехал в Венецию с дипломатическим поручением Гвидо, чтобы предотвратить вооруженное столкновение между обоими городами, вернулся больным лихорадкой, и вечером 13 сентября его не стало. Последние тринадцать песен «Рая» уже после его смерти были отысканы его сыном Якопо в потайном хранилище. Одна из них (XXV) открывается словами возвышенной надежды: жестокая Флоренция наконец распахнет перед ним ворота и в его «прекрасном Сан-Джованни» («Ад» XIX, 17) увенчает лаврами его чело.

Надежда эта не сбылась. В лавровом венце, уже посмертном, с книгой на груди, тело поэта было торжественно перенесено из его равеннского дома в часовню при церкви Святого Франциска и здесь положено в каменную гробницу. Позднее, на протяжении почти пяти столетий, Флоренция тщетно просила у Равенны кости «безвинного изгнанника». Они покоятся там, где кончились его скитания и завершился его бессмертный труд.

Годы неслись, отошла в прошлое распря Белых и Черных, и Флоренция видела в Данте уже не отщепенца, а великого сына, которым она горда. Претерпевая новые бури, меняя свой уклад, она вступила в эпоху Возрождения, чтобы надолго стать для всей Европы средоточием культуры, столицей искусств и наук.

* * *

Даже если бы Данте не создал «Божественной Комедии», его имя не забылось бы в итальянской литературе, как имя лучшего поэта XIII века. «То, что ныне ново» — так назвал Данте итальянскую поэзию своего времени («Чист.» XXVI, 113). Действительно, к 1300 году она насчитывала всего лишь несколько десятилетий. Италия значительно дольше, чем другие романские страны, продолжала пользоваться латынью, как живым языком литературы. Стихи на итальянском языке впервые зазвучали, в подражание куртуазной лирике провансальских трубадуров, при дворе Фридриха II, в кругу поэтов «сицилианской школы», которая быстро распространилась и в Тоскане. Ее виднейшими представителями были: в Сицилии — Якопо да Лентино («Чист.» XXIV, 56), в Тоскане — Бонаджунта Луккский («Чист.» XXIV, 19). Рядом с нею в Средней Италии возникла так называемая «ученая школа», более самостоятельная и более широкая по своим темам, возглавляемая Гвиттоне д'Ареццо («Чист.» XXIV, 56; XXVI, 124–126), который пользовался большой славой, «покуда не был многими сражен». Первым из этих «многих» был болонец Гвидо Гвиницелли, умерший в 1276 г. Данте считал Гвиницелли «отцом» своего поэтического поколения («Чист.» XXVI, 92–114), зачинателем «нового пленительного лада», «dolce stil nuovo» («Чист.» XXIV, 57). В группе молодых флорентийских поэтов, усвоивших этот новый лад, первенство принадлежало ближайшему другу Данте, поэту-философу Гвидо Кавальканти («Ад» X, 58–63), который вслед за старым Гвидо «высшей чести достигнул в слове»

(«Чист.» XI, 97–98), чтобы еще при жизни (он умер в 1300 году) уступить ее Данте.

Беседа в Чистилище с Бонаджунтой Луккским («Чист.» XXIV, 52–63), Данте так определил особенность своей лирики:

...Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу.

И Бонаджунта подтвердил, что в этом и состоит отличие прежних стихотворцев от новых: те изощрались в условном красноречии, а эти непосредственно высказывают свои чувства. Конечно, эта непосредственность весьма относительна: стихи поэтов «*dolce stil nuovo*» в немалой степени рассудочны, аллегоричны, подчас намеренно темны. Но молодой Данте, преодолевая условность стихотворного письма, достиг наибольшей ясности и простоты и шел к той свободе речи, которая царит в «Божественной Комедии».

Говоря о ранней поре итальянской поэзии, важно отметить, что наряду с высокой, книжной поэзией избранного круга громко звучали стихи других поэтов, простых горожан, не притязавших на образованность и смело писавших обо всем, что приходило им на ум и будоражило их буйную душу. Таков был сиенец Чекко Анджольери, современник Данте. А наряду с этим существовала поэзия религиозно-мистическая, но сектантская, враждебная официальной церкви. Начало ей положил еще Франциск Ассизский своим почти языческим «Песнопением Солнцу», и замечательные образцы ее дал фантастический аскет Якопоне да Тоди, подобно Данте нещадно бичевавший папу Бонифация VIII, заточенный им в тюрьму и отлученный от церкви.

Итальянская проза — не старше стихов. Она возникла незадолго до рождения Данте, в шестидесятых годах тринадцатого века, и того же Данте надо считать ее подлинным основоположником. В «Новой Жизни» и в «Пире» он дал образцы итальянской прозаической речи, которые определили ее дальнейшее развитие.

Таким образом, на рубеже XIII и XIV столетий «народный язык», как язык литературный, был еще очень молод, и о творческой мощи Данте можно судить уже по тому, что, пользуясь неразработанным, только еще слагающимся языком, он создал в «Божественной Комедии» поэтический памятник несокрушимой

прочности, и чудодейственная сила его стихов осталась непрезойденной в итальянской поэзии.

* * *

Первою книгою Данте была «Новая Жизнь» («Vita Nuova»), повесть о любви его к Беатриче, написанная вскоре после ее смерти, в 1292–1293 годах. Это вереница стихотворений (сонеты, канцоны и баллада), соединенных прозаическим повествованием и сопровождаемых аналитическим комментарием к каждому из них. Свою лирическую исповедь он заканчивает обещанием когда-нибудь, если жизнь его продлится, поведать об «этой благословенной» более достойным образом. Для этого он уже трудится по мере сил, в надежде «сказать о ней такое, чего никогда еще не было сказано ни об одной». И обещанное он исполнил в своей великой поэме. Еще окутанная атмосферой средневековой символики, пронизанной схоластикой, книга юного Данте полна новизны: это — первый опыт поэтической автобиографии, нечто такое, чего не знала словесность феодальной Европы.

Кроме стихотворений, включенных в «Новую Жизнь» и в более поздний «Пир», перу Данте принадлежит еще много других, написанных и при жизни Беатриче, и позже, как во Флоренции, так и в изгнании. Здесь и любовные стихи, обращенные к разным женщинам, и переписка с друзьями, и юношеская перебранка с Форезе Донати, и философская лирика. Собранные воедино, эти стихотворения обычно озаглавливаются «Canzoniere».

В первые годы изгнания Данте начал писать философское сочинение на итальянском языке, озаглавленное «Пир» («Convivio»), ставя себе задачей поделиться с несведущими теми крохами, «которые к нему упали с трапезы мудрецов». В нем намечалось пятнадцать книг. Вслед за вступительным трактатом, каждый последующий должен был открываться канцоной и состоять из ее схоластического толкования, дающего повод коснуться разнообразнейших тем. В целом получилась бы обширная энциклопедия, обнимающая едва ли не все отрасли средневековой учености и должествующая «привести людей к знанию и добродетели» (I, 9). «Пир» остался незаконченным. Написаны были только первые четыре трактата. Многие в них представляет собою рассудочное изложение того, что в «Божественной Комедии» претворится в художественные образы. Поэтому отдельные положения «Пира»

могут служить прямым комментарием к Дантовой поэме. В этой книге Данте заявил себя смелым новатором: он первый отважился написать ученое сочинение не по-латыни, а на живом народном языке. Свой выбор он оправдывает тем, что «латынь только немногим принесла бы пользу, а народный язык послужит поистине многими (I, 9), и наряду с этим признается, что он был «движим естественной любовью к родной речи» (I, 10). Ей, как орудию просвещения, он предсказывает великое будущее: «То будет новый свет, новое солнце, которое взойдет там, где ветхое закатится, и оно озарит тех, кто во тьме и мраке, ибо ветхое солнце им не светит» (I, 13).

К тому же времени, к 1304–1307 годам, относится и другое незаконченное сочинение, предназначавшееся для ученых читателей и потому написанное по-латыни, филологический трактат «О народном языке» («De vulgari eloquentia»). В нем любопытным образом соединяются скованность традицией и свобода исследования. Данте щедро платит дань своему времени, говоря о языке Адама и о Вавилонском смещении языков. Нас может удивить его утверждение, будто латинский язык — язык искусственный, придуманный «с общего согласия многих людей», чтобы им можно было пользоваться во все времена и в разных странах. Зато он высказывает большую проницательность в вопросах, в которых, по его же словам, «он не опирается ни на чей авторитет» (I, 9): интересны его мысли об изменениях, претерпеваемых живыми языками «в пространстве и во времени», замечателен его опыт классификации многочисленных итальянских наречий, которые он разбирает и оценивает с тонким юмором. Основная задача его трактата — призыв к созданию единого для всей Италии литературного языка, главенствующего над местными говорами. В этой области он опять-таки сказал новое и смелое слово. В эпоху полнейшей раздробленности Италии, его призыв оживлял сознание национального единства.

Свою политическую доктрину, возникшую в годы изгнания, Данте изложил в латинском трактате «Монархия» («Monarchia»). Опираясь на библейские тексты, на цитаты из Аристотеля и латинских поэтов, он, с помощью сложной системы силлогизмов, утверждает, что для человеческого благополучия необходимо единовластие, ибо только монарх, будучи выше корыстолюбия, может обеспечить справедливость, всеобщий мир и личную свободу каждого, что с этой целью бог предустановил возникновение

римской империи и что власть императора, проистекая непосредственно от бога, независима от церкви и от папы. «Монархия», подробно развивающая некоторые положения, намеченные уже в «Пире», написана, вероятно, в ту пору, когда Генрих VII начал терпеть в Италии тяжелые затруднения. Это был своего рода политический манифест.

К ученым трудам Данте принадлежит, наконец, небольшое «Исследование о воде и земле» («Quaestio de aqua et terra»), где доказывается, что любая точка земной суши более удалена от центра Земли, чем любая точка морской поверхности. То, что земля, хоть она и тяжелее воды, выступает из моря, объясняется воздействием звезд восьмого неба. Это геофизическое исследование, изложенное в строгих правилах схоластики, было прочтено автором как публичный доклад в Вероне, 20 января 1320 года.

* * *

Перечисленные нами сочинения Данте в стихах и в прозе выдвигали его на первое место в итальянской литературе того Бремени. Но все они меркнут перед его великим трудом — «Божественной Комедией».

Вопрос о том, в какие годы Данте работал над отдельными частями своей поэмы, остается нерешенным. Некоторые авторитетнейшие дантологи полагают, что она вообще была начата лишь после смерти Генриха VII. Но всесторонний анализ первых двух кантик заставляет отнести их возникновение ко времени значительно более раннему. Можно полагать, что Данте начал писать «Ад» через несколько лет после того, как покинул Флоренцию, и довел его до конца прежде, чем Генрих был избран на престол. По-видимому, и первые шесть или семь песен «Чистилища» были написаны в ту же пору, а остальные — еще при жизни императора. Но если «Ад» и «Чистилище» и были вчерне готовы к 1314 году, то впоследствии отдельные их части несомненно перерабатывались. Что же касается «Рая», то он бесспорно был начат уже когда Генриха VII не было в живых, а закончен, как мы знаем, незадолго до смерти поэта.

В «Божественной Комедии» Данте собрал воедино весь опыт ума и сердца, чтобы сказать свое слово

Для пользы мира, где добро гонимо...

(«Чист.» XXXII, 103)

Его поэма пленяет стройностью поэтического зодчества, и своеобразии каждой из трех ее частей не нарушает ее внутренней цельности.

Сохранилось письмо Данте к Кангранде делла Скала, написанное по-латыни, в котором поэт посвящает синьору Вероны начатый им «Рай», поясняет смысл и строение всей трилогии и комментирует начало первой песни «Рая».

Свою поэму он озаглавливает так: «Incipit Commoedia Dantis Alagherii, Florentini natione, non moribus». «Начинается Комедия Данте Алигьери, флорентинца родом, не нравами». Термин «Комедия» встречается дважды в самом ее тексте («Ад» XVI, 128; XXI, 2). Автор письма поясняет, что так обозначается всякое поэтическое произведение среднего стиля «с устрашающим началом и благополучным концом», написанное на народном языке. «Божественной Комедией» назвал Дантову трилогию еще Боккаччо в своей «Жизни Данте» (гл. XIV), выражая этим свое восхищение, но такое наименование утвердилось за нею только в XVI веке.

В письме к Кангранде определяется цель поэмы: «Вывести живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести их к состоянию блаженства». Для его достижения, согласно доктрине, изложенной в заключительной главе «Монархии», человечеству необходимо двойное руководство: императора, который, следуя наставлениям философии, вел бы человеческий род к земному счастью, и первосвященника, который, следуя небесному откровению, направлял бы его к вечному спасению. На этой доктрине зиждится основная символика «Божественной Комедии»: заблудившийся в порочном мире человек, руководимый Разумом (Вергилием), восходит к земному раю, чтобы затем, наставляемый откровением (Беатриче), вознестись к раю небесному.

Поэма Данте, по его же словам, «многомысленна». За прямым, дословным смыслом кроется аллегорический, иносказательный, который в свою очередь, как пояснено и в письме к Кангранде, и в «Пире» (II, I), бывает тройкого рода: собственно аллегорический, нравственный и анагогический (духовный). Над истолкованием Дантовых аллегорий комментаторы трудятся на протяжении шести веков, но многое по-прежнему остается загадочным.

В Италии «Божественную Комедию», распространившуюся во множестве списков, начали комментировать в первые же

годы после смерти Данте. К числу писавших такие комментарии принадлежат и сыновья поэта — Якопо и Пьетро. К сожалению, ни одного автографа Данте не сохранилось. Мы знаем только со слов историка Леонардо Бруни, умершего в 1444 году, и видевшего некоторые подлинные письма поэта, что у него был «превосходный почерк, узкий, длинный и очень четкий». Если бы уцелела такая драгоценность, как авторская рукопись «Божественной Комедии», отпали бы все текстологические споры. В XIV же веке возникли кафедры дантоведения. В 1373 году флорентийская синьория пригласила Боккаччо читать публичные лекции, посвященные толкованию «Комедии». Этому примеру последовали и другие города — Болонья, Пиза, Пьяченца, Милан, Венеция. Комментарии XIV века особенно ценны для уяснения философских и религиозных взглядов Данте, а также его аллегорий, потому что их авторы были ближе к миропониманию поэта, чем позднейшие исследователи, и кроме того, могли пользоваться устным преданием, восходившим к его ближайшему окружению.

«Божественная Комедия» состоит из трех частей, или кантик: «Ад», «Чистилище» и «Рай». В каждой из них — по 33 песни, но «Ад» открывается одной добавочной, служащей вступлением ко всей поэме. В целом — 100 песен. Данте сам изобрел строфику для своей поэмы, основанную также на числе «3». Он впервые применил терцины, т. е. трехстишия, соединенные друг с другом, как звенья цепи, потому что в каждом из них средний стих рифмуется с обоими внешними стихами следующего, пока весь ряд не замкнется отдельно стоящим заключительным стихом: aba, bcb, cdc... хух, узу, z.

Излюбленная поэтом символика чисел (особенно: 3, 9 и 10) сказалась и в построении самой «Комедии», и в архитектонике потусторонних царств, и во многих образах, им созданных.

Свое путешествие в загробный мир Данте приурочивает к весне 1300 года, и это позволяет ему о событиях более поздних говорить в виде предсказаний.

В «Божественной Комедии» вмещено все знание, доступное западному средневековью. Данте хранил в своей памяти едва ли не все книги, какими располагал тогдашний ученый мир. Главнейшими источниками его эрудиции были: Библия, отцы церкви, богословы мистические и схоластические, прежде всего Фома Аквинский; Аристотель (в латинских переводах с арабского

и с греческого), непререкаемый авторитет схоластической науки, использованный ею для обоснования католического вероучения; философы и естествоведы арабские и западные, — Аверроэс, Авиценна, Альберт Великий; римские поэты и прозаики — Вергилий, чью «Энеиду» Данте знал наизусть («Ад» XX, 114), Овидий, Лукан, Стаций, Цицерон, Бозций; историки — Тит Ливий, Орозий. Хотя для Данте Гомер — «глава певцов» («Ад» IV, 88; «Чист.» XXII, 101–102), он ни его, ни других греков не читал, потому что греческого языка почти никто из тогдашних ученых людей не знал, а переводов еще не было. Свои астрономические познания Данте черпал главным образом у Альфрагана, арабского излагателя Птолемея, конечно, тоже в латинском переводе. Имеются основания полагать, что он был знаком с мусульманскими легендами о загробном мире и пользовался ими при создании своей поэмы.

И в целом, и в частях своих, и по замыслу, и по выполнению, «Божественная Комедия» — произведение совершенно своеобразное, единственное в литературе.

Описания видений загробного мира были широко распространены в средневековой словесности. Для своей космической поэмы Данте избрал этот всем знакомый сюжет, но потусторонний мир, им посещенный, непохож на то, что довелось увидеть его простодушным предшественникам. И с ними он не считается. До него только двоим дано было проникнуть в области вечно-го: то были Эней и апостол Павел⁴ («Ад» II, 10–36). Он третий, удостоенный этой необычайной участи. И он, Данте Алигьери, посетив незримые царства, выносит людям свои скрижали, на которых избличены преступления человечества и предуказан путь к спасению.

Поэма Данте объемлет всю вселенную, от ее средоточия, где в ледяное озеро вмерз трехликий Люцифер, до лучезарного Эмпирея, обители триединого божества. Она объемлет все времена, от предвечности, предшествующей сотворению мира («Рай» XXIX, 16), до той поры, когда «замкнется дверь времен грядущих» («Ад» X, 108) и снова настанет безвременная вечность. В ней изложена вся летопись человеческого рода. Поэт встречает на своем пути Адама и Еву, искупленных и спасенных, героев, мудрецов и чудища языческой древности, грешников и праведников христианской эры и среди них множество «латинян», своих земляков, населявших города и замки Италии.

В своей поэме Данте творит суд над современностью, излагает учение об идеальном общественном строе, говорит, как богослов, моралист, философ, историк, физиолог, психолог, астроном.

И надо всем главенствует тема его личной судьбы. Данте повествует о себе, как с величайшем среди избранников. Ему открылись тайны, запретные для смертных взоров. И та Беатриче, которую он любил, преобразается в Высшую Мудрость, озаряющую людей, она царит над мистической процессией в Земном Раю, и в небесах ее приветствуют святые.

Мощным индивидуализмом проникнута «Божественная Комедия» от первой терцины до последней. Данте прежде всего ведет речь о себе. И суд над человечеством творит он сам. И сам распределяет души между Адом, Чистилищем и Раем, обрекая на вечные муки и вечное блаженство. Но и там, где, по признанным им законам, возмездие справедливо, он, встречаясь с осужденными, не скрывает своего свободного к ним отношения. Самые разнообразные чувства вызывают они в нем: сострадание, почтительную нежность, преклонение перед душевным величием, ненависть, презрение, насмешку. И для средневекового читателя такой повстречавшийся Данте грешник был или вдвойне наказан, или нравственно возвеличен.

Не только умерших судит Данте. Устами обитателей загробного мира он произносит хулу и хвалу своим современникам или же сам, прерывая рассказ, обращает гневное слово к живым, к императору Альберту, к папе Иоанну, к Италии, к Флоренции, к другим городам, избличая недостойных. Наибольшее негодование он обрушивает на главную виновницу всеобщего бедствия, римскую церковь, и на ее недостойных пап, которые своей алчностью

...растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных.
(«Ад» XIX, 104–105)

Но он твердо верит, что близко возмездие, что явится избавитель, «преемник орла» («Чист.» XXXIII, 37) и

Рим, давший миру наилучший строй...
(«Чист.» XVI, 106)

снова станет во главе народов и озарит их светом «двух солнц», му-
дрой светской власти и праведной власти духовной, так чтобы

...видно было,
Где божий путь лежит и где мирской.
(«Чист.» XVI, 107–108)

Так, в последний раз призывая на землю никогда не бывавшее прошлое, «Божественная Комедия» завершает средневековье. Оно в ней полностью воплощено. Средним векам принадлежат и религия, и наука, и общественный идеал Данте. Его поэма возникла на последней грани той эпохи, которая в ней отражена.

И в то же время она приносит в мир еще неслышанное слово свободы. Средневековый Данте, воспевающий иерархически — стройный чин вселенной, сам ломает изнутри это величавое здание, где все зиждется на гармонической соподчиненности высшей воле. Его неукротимый дух первый преступает заповедь смирения. В своей законополагающей поэме он славит свободного человека, не терпящего оков. Его герои — надменный вольнодумец Фарината, с презрением озирающий Ад; несмирившийся перед громовержцем Капаней; Улисс, дерзко плывущий на гибель в неутолимой жажде запретного знания; грешная жертва любви, Франческа. И это чувство личной свободы делает Данте предвозвестником идущих вослед ему веков.

«Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени»*. Так писал Энгельс в 1893 году, в предисловии к первому итальянскому изданию «Коммунистического манифеста».

Именем Данте открывается новая эпоха в литературе Западной Европы. Но он — не просто зачинатель, который, сделав свое дело, уступает место идущим на смену. Его поэзия устояла под натиском столетий, ее не смыли пронесшиеся волны Возрождения, неоклассицизма, романтизма. Она исходит из таких глубин человеческого чувства и владеет такими простыми и сильными приемами словесного выражения, что остается и для нас, и долго еще останется живым и действенным искусством.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 382.

Образы Данте насквозь проникнуты символическим смыслом, и в то же время они в высшей степени реалистичны. Создания своей мечты он видит с какой-то повышенной отчетливостью и с такой же отчетливостью воплощает их в слове. И взаимопревращение людей и змей в Аду, и озаренные скалы Чистилища с упавшею на них черною тенью Данте, и хороводы огней в небесных сферах встают в глазах читателей, как наяву. Та же зоркость и то же мастерство живописи — в рассеянных по всей «Комедии» картинах повседневной жизни земной природы, будь то рассказ, или описание, или взятое на ходу сравнение.

Стилистика Данте чрезвычайно разнообразна. Наряду с высоким пафосом и с задушевым лиризмом мы встречаем и едкий сарказм, и подчас грубую шутку, и сухую рассудочность, доходящую до педантизма. Его стихи то сплетаются в сложнейшие периоды, то достигают предельной сжатости. Они всегда выразительны, всегда мощны и нередко полны глубокого обаяния. Данте умеет придавать отдельным терциям и группам терцин неизъяснимое звучание, которое облекает их как бы особой атмосферой, то нежной, то грозной, то величественной. В Дантовой речи — первобытная сила. Он сам творит язык своей поэмы, он ее строит, ничем не стесняемый, кроме «узды искусства» («Чист.» XXXIII, 141), не обремененный традициями, не отвлекаемый примерами.

«Божественная Комедия» цельна, едина и закончена в своей великолепной стройности. И в то же время она необычайно сложна. Но тем и замечательно искусство Данте, что разнороднейшие струи он умеет слить в сплошной поток, неуклонно несущийся к устью. Внутренняя сложность поэмы связана со сложностью творческих побуждений, которые призвали поэта к его великому труду и дали ему силы его довершить. Когда мы перелистываем его книгу, она, как его таинственный Грифон, предстает перед нами «то вдруг в одном, то вдруг в другом обличье» («Чист.» XXXI, 123). Так ограненный алмаз, если его вращать, загорается то синим, то алым, то желтым огнем. Что же такое, в своей сокровенной сущности, эта гениальная поэма? Хвала тому, «кто движет мирозданье»? Обетная песнь во славу Беатриче? Спасительная проповедь заблудшему человечеству? Призыв мечтателя к переустройству мира? Ужасный приговор врагам? Все это в ней совмещено, и в то же время она остается повестью великого гордеца о самом себе. И когда мы вращаем загадочный алмаз, то этот пламень, глубоко

затаенный пламень гордыни нет-нет да и сверкнет на миг, и даже ярче остальных огней.

Данте создал книгу о вселенной. Но в такой же мере это — книга о нем самом. Среди мировых памятников поэзии вряд ли есть другой, в котором так резко отпечатлелся бы образ его творца. Недаром первые читатели «Божественной Комедии» называли ее просто «Il Dante» — «Данте».

